

A man with a long, full white beard and hair stands in a misty, dark forest. He is wearing a dark, heavy coat with brass buttons over a brown vest and a dark shirt. He holds a rifle in his right hand. The background is a dense forest with bare trees and a thick mist.

Алексей Филиппов

Идёт охота на ВОЛКОВ

Алексей Филиппов

Идёт охота на волков

<https://litres.ru/74091531>

SelfPub; 2026

Аннотация

Николай Ильич - человек удивительный. Ничего ему в жизни не надо, вернее, все желания свои держит он в ежовых рукавицах. И волки помогают ему... Но однажды летним вечером он влюбился, и волки не помогли...

Алексей Филиппов

Идёт охота на волков

Николай Ильич - человек на редкость удивительный. На самом деле... Узнаешь его поближе и диву даёшься, что вот такие люди на свете водятся. Верьте - не верьте, но Ильичу в жизни ничего не нужно. Абсолютно... Ест - что дадут, одевается аккуратно, но во что придётся. Не то, что другие... Все ведь стараются где-нибудь да как-нибудь кусочек лакомый отхватить и для души, как говорится, и для тела; приятных благ да удовольствий хапнуть поболее; стать прочих повыше, а этот одно и то же твердит:

- Желания подобны солёной воде, чем больше её пьёшь, тем сильнее жажда.

Видно, вычитал где-то, вот и пудрит мозги народу. Мол, вы все чего-то желаете, ищите, иной раз лбом в стену каменную бьётесь аж до брызг кровавых, а не лучше ли просто плыть по течению да жизнью, этим чудом из чудес, наслаждаться на всю катушку. Люди, познакомившись с ним, всегда поначалу пальцем у виска крутят, а потом рукой машут, дескать, чего с дурака взять...

Супруга его Нинель Петровна - женщина наикрепчайшего сложения, характера и всяческих других разнообразных достоинств, из-за коих давно уже самые верхние ступени карьерной лестницы районо обжила и готовится со дня на день

завершить штурм самой верхотуры. Так вот, даже она руки опустила, не в силах своего благоверного перевоспитать в нужном направлении. Даже она... А о прочих и говорить не приходится. Короче, не от мира сего Николай Ильич. Тут ни к какой бабке не ходи. А ещё он безобидный и безотказный... Ни на кого не обижается, а уж такой безотказный, что иной раз и волос дыбом. Вот, к примеру, до отпуска долгожданного неделя осталась, а директор приходит и говорит, что надо одного человека от школы в загородный лагерь послать воспитателем. Представляете ситуацию... Представляете какое возбуждение с негодованием началось... Крики с дрожью в голосе, кукиши перед каждым носом летают, а Николаю Ильичу, как с гуся вода - молчит, в ус не дует и улыбается. А когда директор только глянул на него, так Ильич сразу и без всяких разговоров абсолютно безразличным голосом.

- Я поеду...

Ну не дуралей ли? Со смеху помереть можно...

Смеркалось. Пионеры готовились ко сну. Вернее, должны готовиться, но им на расписание сегодня плевать с высокой колокольни. Носятся эти бедолаги возле спального помещения отряда - как мухи над липкой от пролитого варенья ска-тертью в летний полдень. Особенно главный хулиган отряда Вовка старается... Юная пионервожатая Наташа пытается как-то урезонить разгулявшуюся вольницу, но руки у неё до такого подвига пока коротки, хотя и физическому воспита-

нию она уж два года обучалась. Не слушались вожатую дерзкие пионеры, а Вовка ей даже разные рожи строил. В другом отряде воспитатель бы решительно вмешался и мигом прекратил все безобразия. На то он и воспитатель... В этом же отряде воспитателем Николай Ильич, который сидит на лавочке да глядит на пионерскую вакханалию с лёгкой улыбкой и абсолютно безразличным взглядом, так люди смотрят на что-то, крепко задумавшись о чём-то другом и исключительно своём. У каждого это своё всегда в особом роде. Никогда в объятиях меланхоличной задумчивости люди об одном и том же не думают, у каждого особенное на уме, своя фантазия. У Николая Ильича из недр затуманенного негой летнего вечера сознания выплыло видение рыбалки на тихом тенистом речном берегу.

“Сидел бы сейчас под ивовым кустом да смотрел на неподвижный поплавок... На жёлтые кубышки... На стрекоз и прочую летучую мелочь... Красо... Рвусь из сил, и из всех сухожилий!”

Николай Ильич где-то вычитал, что песня “Охота на волков” мгновенно мобилизует все душевные силы на подвиг и прочие решительные действия. Ильич с юности привык держать душу свою в ежовых рукавицах, а потому - как только чувствовал какую-то слабинку, то сразу же начинал мысленно петь нужные слова. Слова эти действительно настраивали его на боевой лад и гнали прочь всякую приторную расслабуху, возвращая душе состояние ледяного покоя. Покой

нужен для общения с людьми. С презренными людишками... Не зря же великий поэт сказал, что - кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей. Николай Ильич и жил, и мыслил...

“Идиоты, - думал воспитатель, прогнав прочь желание порыбачить. - Чего носятся? Неужто за день не набегались? Придурки... Покой, вот лучшее наслаждение... И эта дура никак не может их к порядку призвать... Будущий педагог... Как её звать-то? Наташка, кажется... Сама ко мне в отряд попросилась, а теперь нюни распустила... Это тебе не кроссы каждое утро бегать... Помочь что ли... Ну, не дура ли... А глаза-то у неё... Классные глаза... Где-то я такие... Обложили меня, обложили, гонят весело на номера!”

В общем, беда у отряда: пионервожатая чуть ли не плачет, воспитатель сидит недвижим, смущённо улыбается и в одну точку смотрит, а дети стыд и совесть начисто потеряли. И ничего хорошего в перспективе. Но всякая перспектива всегда туманна и обманчива.

- Что за бардак?! - раздался строгий командный голос. - Все по кроватям!

Мигом пионерская вольница обратилась в послушное стадо и около спального помещения стало тихо. Директор лагеря Мария Сергеевна, это она в мгновение ока навела порядок, из-под насупленных бровей осматривала освобождённую от беспорядков территорию. Директриса глянула на Николая Ильича, хотела отсобачить его по первое число, но

вспомнила, что вчера подписали приказ о назначении Нинель Петровны заведующей районо, и отыгралась на Наташе. Наташа расплакалась, прикрыв лицо ладонями.

- Ты, Ильич, как всегда в репертуаре, - усмехнулся подошедший с директрисой главный затейник лагеря молоденький учитель музыки Бирюков. Он поправил баян на плече и подмигнул симпатичной девушке, которая таращила на Николая Ильича и без того огромные глазищи. - Вот такой он человек, Зина. Как я и говорил... Всё ему по... Короче, вот сейчас весь мир полетит в тартарары, а он и бровью не поведёт. Только молчит и улыбается. Сам же просился сюда работать, а теперь... Чудо в перьях...

- Пустой человек, - поддержал музыканта и мускулистый физрук Пухов, он тоже шёл в свите директрисы. - Одно слово, ботаник... С ним, Зиночка, со скуки подохнешь под первым же осиновым кустом. А вот я всегда и на всё готов... Всегда бодр и весел...

Зина на слова музыканта с физруком не откликнулась, а поближе подошла к Николаю Ильичу.

- Николай Ильич, - лицо Зины озарилась такой лучезарной улыбкой, что даже смущённая луна быстренько спряталась за лёгкое облачко, - вы меня не узнаете?

- Нет, - вскинул глаза на девушку Ильич и слегка наморщил лоб.

- Я же училась у вас, - Зина быстро наклонилась и поцеловала забывчивого педагога в щёку. - Вы так интересно про

растения Африки рассказывали, что все девчонки были в вас влюблены... Я тоже... Потому что вы добрый, никогда не ругались...

Зина ещё раз поцеловала Николая Ильича в щёку, слегка коснувшись его плеча грудью.

- Я теперь здесь буду работать в медпункте, а мой племянник у вас в отряде, мы с вами будем теперь каждый день встречаться. Я так рада...

Изумлению свидетелей сего действия не было предела: директриса открыла рот и громко икнула, музыкант проворно передвинул баян в рабочее положение, и чуть было не заиграл печальный полонез, а физрук подбежал к турнику и быстро сделал пять раз подъём переворотом.

А в голове самого Николая Ильича внезапно случился настоящий взрыв с пожаром верховым.

“Вот бы сейчас с ней... Нинка-то уж года два не подпускает... А физиология, она и в Африке физиология... Мне ли биологу не знать... Идиот, она же в дочери тебе... И что с того? Идёт охота на волков... А духи у неё... С ума можно сойти... На серых хищников, матёрых и щенков... А грудь... Какая грудь... Неужто и вправду она была в меня влюблена? Не помню... А что если... Кричат погонщики и рвутся псы до рвоты...”

Директриса махнула рукой и пошла от отряда прочь. Свита за ней. А Николай Ильич, словно замороженный, никак не мог отвести глаз от стройной фигурки медсестры.

Вожатая Наташа перестала плакать и удивлённо смотрела то на Ильича, то на силуэты уходящей во тьму свиты.

Фигура молоденькой медсестры не давала покоя Ильичу и ночью. Он вертелся на своей узкой кровати с боку на бок и всё думал, думал...

“Хороша Зина... Не на равных играют с волками... Ох, хороша... Обнять бы... Прижать к себе... Егеря, но не дрогнет рука... Ага, обнять... Забыл, как тебя лучший друг из петли вынул из-за Люськи, той, что в параллельной группе училась? Обнять... Люську ты тоже обнимал, а она потом тебя через бедро захватом... Весь курс смеялся... Забыл, как ты всех баб возненавидел... Сволочи они... Возненавидел, но с Нинкой сошёлся... Плевать было на всё, лишь бы баба... Физиология, понимаешь... Обложив нам дорогу флажками, гонят весело... Ещё эта песня привязалась... Обнять молодую ему захотелось, старый хрыч... Ну, не дурень ли? Идёт охота на волков, идёт охота... И не такой уж я и старый...”

И тут кто-то часто постучал в окно. Николай Ильич вскопчил, будто ему на грудь плеснули кипятка. За дверью темно...
- Эй, кто тут? - в полголоса крикнул Ильич.

Никто не отозвался. Николай Ильич прислушался. Тихо... Он сошёл с крыльца и выглянул из-за угла, чтобы рассмотреть окно, в которое стучали. Около окна никого не было. Осмотрелся Ильич, разглядывая едва освещённую бледной луной аллею, немного постоял, ещё раз по сторонам зыркнул и пошёл на крыльцо. На верхней ступеньке около двери ле-

жало что-то тёмное. Николай Ильич нагнулся, чтобы лучше рассмотреть и вздрогнул. Около двери лежаладохлая ворона. Ильич откинул неприятную находку ногой с крыльца в клумбу с цветами.

На кровати Николая Ильича трясло. Не из-за вороны. С вороной всё ясно: шутка пионеров. Один постучал в окно, другой дождался, когда воспитатель выйдет на улицу и бросил на крыльцо ворону. Здесь всё ясно... Нечто подобное в каждую смену бывает... А тут вороний труп запустил совершенно неожиданную карусель.

“ Ворона, - бесились мысли в голове Ильича. - Ворона... Воронина... Люська... Воронина её фамилия... Она пришла к нему лет через пять... Люблю, говорит... Только тебя и никого больше... Дура я... Он обманул меня, а я тебя не могу забыть... Ты добрый... Ты меня простишь... Из-за елей хлопчут двустволки... Приходи на свидание к реке... А я сразу понял, опять посмеяться решила... Чтоб я с Нинкой развёлся... Разведусь, а она опять хвостом вильнёт... Люська - стерва... Я её в тот же миг раскусил... Только я её не убивал... Не хотел... Она сама оступилась и упала с обрыва... Меня тогда никто и не заподозрил... Она сама... Там охотники прячутся в тень... Какой-то пацан видел нас на обрыве... Малолетка, от горшка два вершка... Чего он там делал? Я боялся, что он расскажет кому-нибудь... Приготовился всё объяснить... Даже перед зеркалом потренировался... Только меня никуда даже не вызывали... Она же сама... На снегу кувыркают-

ся волки... К чёрту эту песню! Не помогает! Обратившись в живую мишень... К чёрту! Всё к чёрту!”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.